

силу и возможности этого института, получившего соответствующие мандат и права от международного сообщества. НАТО, к примеру, таким мандатом и такими правами не обладает, и легитимность многих действий этого альянса в последние годы вызывает, мягко говоря, большие сомнения.

Что совсем неприемлемо – так это практика двойных стандартов. Смогли бы оправдать США свое (и союзников) вторжение в Ирак без масштабной кампании о наличии у Хусейна оружия массового поражения? Где это оружие? Пожарили нескольких чиновников за введение правительства в заблуждение, этим дело и кончилось. Для любого мало-мальски смыслящего эксперта с самого начала было ясно, что речь идет об установлении геостратегического контроля над регионом, над мировыми потоками нефти и т.п.; все остальное – обман для непосвященных.

Но я хотел бы перевести вопрос в более фундаментальную – философскую – плоскость: об опасности унификации современного мира. В теории систем давно доказано, что прочность любой сложноорганизованной системы зависит совсем не от однородности ее элементов, ее, так сказать, одноклеточности, но от ее разветвленности, от богатства и разнообразия связей между составляющими ее элементами.

Международное сообщество, конечно, должно быть озабочено правами человека, борьбой с терроризмом, должно шлифовать инструменты для оптимального утверждения гуманистических норм и ценностей. Вряд ли, однако, великая буддийская цивилизация, законно гордящаяся своей многотысячелетней культурой, примет когда-либо стандарты и нормы, свойственные атлантическим представлениям, взращенные на иной социокультурной традиции. Мир ислама уже сегодня грозно предупреждает о близорукости такой политики. Думается, что «разлом цивилизаций», о котором так много пишут в наши дни, может в случае насильственного «осчастливливания» обернуться их столкновением.

Нужно понять, наконец, что многообразие мира – это не «кара Господня», это великое богатство, которым нужно правильно распорядиться. Давайте же уважать исторические традиции друг друга, познавать опыт друг друга, плодотворно сотрудничать на нашей планете.

¹ Бихари М. Парламентаризм // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 42.

² См.: *Pro et Contra*. 2005. № 2 (29). С. 112.

³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 34.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР СЕГОДНЯ

К.Т. Утельбаев

(Республика Казахстан, г. Атырау)

Глобализация способствует более широкой взаимосвязи и взаимозависимости общения государств и социумов. Но в то же время широта общения снижается из-за того, что религиозные основы нельзя усвоить внешним образом, так как они требуют индивидуального отношения. Терроризм, имеющий сегодня религиозную окраску, не следует идентифицировать по религиозному или национальному принципу. Сохраняя подобные подходы, мировое сообщество, не преодолевшее пока последствий раскола мира «Восток – Запад», может оказаться ввергнутым в пучину раскола уже по конфессиональному признаку «христианство – ислам».

«Определяющими факторами активизации международных террористических организаций явилось то, что на рубеже второго и третьего тысячелетий человечество столкнулось с новыми вызовами и проблемами, вызванными глобализацией, характерные черты которой не только углубление межгосударственных и межобщественных отношений, стремительный рост глобальных торговых и финансовых потоков, транснациональных предприятий, но и обострение межнациональных отношений,

рост международной преступности, незаконного оборота наркотиков, нарастание социальной напряженности в отсталых странах»¹.

Если достижениями и плодами глобализации будет по-прежнему пользоваться небольшая группа высокоразвитых государств, это неизбежно приведет к усилению противостояния, возникновению конфликтов и социальных катаклизмов. Уже сегодня по всему миру набирает влияние движение антиглобалистов.

К сожалению, до сих пор в практике борьбы против международного терроризма не просматривается готовность мирового сообщества искоренить объективные причины, порождающие терроризм.

По-прежнему США, взявшие на себя роль основного борца по искоренению терроризма, остаются приверженцами силовых форм и методов борьбы. Такие действия США не смогут не вызвать адекватных действий со стороны мирового сообщества.

В этих условиях борьба с международным терроризмом может отойти на второй план. Более того, международный терроризм, как это уже не раз бывало в прошлом, может вновь стать разменной монетой в геополитических играх великих держав.

«В XX столетии терроризм впервые в человеческой истории превратился в одно из мощных орудий в отстаивании и продвижении геополитических, внутривосточных, националистических и идеологических интересов. На смену крупным войнам и национально-освободительным движениям пришли молниеносные и высокоорганизованные диверсии и акции, которые иногда вызывали не меньший резонанс среди мировой общности. Более того, для некоторой части активных общественно-политических движений терроризм превратился в основную форму деятельности, а для их членов – в смысл жизни и мировоззренческую основу»².

Анализ проблем терроризма сегодня возможен только на основе соответствующей ему методологии исследования. Методология, претендующая на его адекватное исследование, должна быть научно обоснованной и не попадать под влияние различных идеологий. В то же время объективный анализ феномена терроризма затруднен. Причиной тому все возрастающая роль терроризма в реальной политике государств, как больших и влиятельных, так и относящихся к разряду развивающихся.

«Феномен терроризма воплотил в себя в сконцентрированном виде практически все сколько-нибудь заметные противоречия современности. Эта его "синтетичность" позволяет увидеть в нем и религиозную составляющую, и политическую, и экономическую, и этническую, и культурную. Поэтому так трудно за внешним проявлением теракта увидеть его истинную причину; у каждого террористического акта их много. Можно утверждать, что сам он становится возможным только при условии наложения целого ряда вызывающих его причин и обстоятельств, при которых он совершается»³.

Именно эта «непроявленность» теракта в современном мире (и это одно из существенных отличий современного терроризма от терроризма XX в., когда теракт имел четкую адресность и авторство) позволяет обвинять в его подготовке и осуществлении (и тем более в его «заказе») самые разные, иногда диаметрально противоположные силы, структуры и страны. Вопрос «кому выгодно?» не позволяет определить авторство теракта, так как при глубоком анализе обнаруживается, что «выгодно» может быть очень многим. Исходя из такой многоадресной «выгоды», ряд аналитиков высказывали предположения, что взрывы жилых домов в Москве совершили секретные службы России, а затем и в терактах 11 сентября 2001 г. в США обвиняли спецслужбы США. И все на основании того, что смысл этих терактов, а еще более – их последствия, можно по-разному интерпретировать. Так что существует значительная неопределенность вокруг феномена современного терроризма.

Поэтому, на наш взгляд, к такой многомерной проблеме, как современный терроризм, следует подходить предельно объективно. Сам теракт можно рассматривать как «взрыв» накопившихся противоречий, как неадекватную форму решения проблем (при этом становится неважно, в чьих интересах теракт совершен). Такой подход к теракту позволяет понять его как объективность.

Но не следует ли отсюда, что терроризм – неизбежная форма решения ряда противоречий современности? Приходится признать, что на сегодня дело обстоит имен-

но так. Поэтому самая эффективная форма борьбы с терроризмом – своевременный компромисс между противоборствующими сторонами, между крайними позициями, решение проблем средствами диалога всех заинтересованных сил и слоев.

Но как призвать к конструктивному диалогу силы, всей предшествующей мировой политикой оттесненные от «круглого стола» истории? Форм такого диалога мировое сообщество пока не выработало. Однако только на этом пути возможно устранить терроризм как явление современности. Поэтому сколь бы важны ни были действия антитеррористической коалиции сегодня (силовые, дипломатические, финансовые, разведывательные и т.д.), следует признать, что они направлены на устранение следствий, а не причин, и поэтому эффективность этих действий временна. Сила – очень веский фактор современной мировой политики. Пожалуй, на сегодня это самый действенный аргумент в спорах и противостоянии. Но как раз ориентация на силовое разрешение сложнейших проблем современности и порождает терроризм. Поэтому следует не столько прибегать к силовой борьбе с терроризмом (хотя терроризм уважает силу и считается с ней), сколько искать формы многостороннего сотрудничества для устранения проблем, порождающих терроризм. После этих предварительных методологических замечаний обратимся к непосредственному анализу феномена современного терроризма.

Терроризм как явление исследовать непросто. В первую очередь, это связано со значительной неопределенностью терроризма. Есть только один аспект, очевидно негативный для всех в терроризме, – это насилие. Даже идеологи террора и исполнители терактов согласны с тем, что террор – это насилие (но, по их мнению, насилие неизбежное и оправданное). К насилию часто прибегали и прибегают во всемирной истории. Насилие может употребляться однократно, в связи с особыми обстоятельствами, или более регулярно, как в тоталитарных и диктаторских режимах. В некотором смысле всякая государственная форма устройства общества есть насилие. Так что насилие не представляет собой ни новой формы общественных отношений, ни специфически «нового мирового порядка», ни особого способа решения проблем современности. Насилие, наряду с иными методами, присутствует почти всегда. В этом смысле террор, опирающийся на насилие, ничего принципиально нового не приносит. Новое, специфическое, отличительное от всего остального в терроре в связи с насилием состоит в том, что террор делает насилие единственным способом достижения своих целей.

Мировые религии крайне отрицательно относятся к насилию, рассматривая его как форму посягательства земного, мирского на духовную сущность человека. Только одна форма насилия признается религией – это насилие человека над своей греховной природой, усилия человека в богоуподоблении.

Очень заметен этот пласт в христианстве, значителен он в исламе (как внутренний, «великий» джихад). Только такое насилие и принимается религиями. Всякое иное, особенно имеющее исток в общественных разногласиях, противоречиях и спорах, отвергается. Уже отсюда видно, что ислам не может быть источником терроризма. Но вернемся к теме насилия в терроре. Одно из самых лаконичных и ясных определений терроризма: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями» (Б. Крозье) – ставит насилие во главу угла в терроризме⁴. Идеологи террора еще в XIX в. (Л. Бланки, М.А. Бакунин и др.) считали насилие неизбежной формой «продвижения» человечества к более справедливому социальному мироустройству. Практика большевизма в этом смысле принесла много нового.

Современный терроризм концентрирует в себе многообразие неразрешенных проблем современного мира, и, в этом смысле, они произрастают из общества. Неравномерность развития разных стран, ставящая слаборазвитые страны в условия «догоняющего развития», с тенденцией ко все большему разрыву в уровне благосостояния развитых и развивающихся стран, бедность, безработица, коррупция, недоступность образования, стремление элит слаборазвитых стран любой ценой удержать власть, игра на низменных коллективных чувствах и представлениях, процветающих в условиях нищеты, попытки экономически отсталых стран одним скачком, рывком, одним актом «выскочить в люди» – все это фон, на котором произрастает терроризм.

«Терроризм процветает в закрытых обществах, среди лишений, несправедливости и репрессий»⁵, – отмечает Э. Рихтер, директор проекта «Центральная Евразия». Не следует, впрочем, абсолютизировать значение социально-экономического фактора в генезисе терроризма и, следовательно, находить некое оправдание терроризму. «Зачастую террористы ссылаются на экономические беды, политический гнет и социальное неравенство как на обстоятельства, оправдывающие их кровавые акции. Разумеется, эти обстоятельства всем хорошо известны. Тем не менее они не могут служить оправданием актов физического и психологического насилия над мирными людьми»⁶. Диспропорции в развитии различных стран, делающие возможным абсолютное доминирование развитых стран над развивающимися во всех сферах, этнические, религиозные, социально-политические, культурные, цивилизационные и иные противоречия и «разломы» – все это только внешние формы, которые весьма условно могут быть соотнесены с причинами и сущностью терроризма. Не в них причина терроризма; каких-либо выпадающих из «естественного» хода истории причин у терроризма вообще нет: он «вырастает» из современной истории как ее форма, как продолжение ее агрессивного характера – права сильного быть правым.

Обращение к вышеперечисленным внешним причинам терроризма вместе с тем не лишено смысла. Терроризм, будучи по существу концентрированным выражением агрессивности современной международной политики, всегда выступает в каких-то конкретных формах, и в этих формах можно увидеть доминирование то одних перечисленных причин, то других. Принимая во внимание эти причины и пытаясь устранить если не их, то хотя бы негативные их последствия, можно разработать политику мирового сообщества, нацеленную на снижение уровня и размаха терроризма.

Современный терроризм в наиболее массовых его формах напрямую связывают с «исламским фактором». Несколько ранее уже подчеркивалось, что религии спасения, к которым относится и ислам, являются религиями ненасилия. Поэтому ислам не может быть причиной терроризма. Однако современная политика груба, хотя и изощрена. По правилам этой политики противника надо обозначить, хотя бы и расплывчато, но узнаваемо – это исламский экстремизм, фундаментализм, ваххабизм, исламизм и т.д. Поэтому сложные процессы современного мира низводятся до уровня примитивных обоснований и, соответственно, столь же примитивных способов решения проблем.

Когда же накопившиеся и долго не решаемые противоречия «вдруг» дают о себе знать взрывом политического протеста или военным конфликтом, последние оцениваются как неожиданные, спонтанные и т.д. Это в полной мере относится к терроризму: его размах и жестокость производят шокирующее воздействие, но они отнюдь не неожиданны, не случайны. Терроризм есть вполне закономерное явление современной мировой политики, он вызывается к жизни этой политикой. Однако такое понимание терроризма требует коренного пересмотра основ политической аналитики в этой сфере. Пока же большинство экспертов склонны подходить к исследованию терроризма с позиции «совокупности причин», к которым, в частности, относят и «исламский фактор», тогда как «исламский фактор» возникает в качестве одного из оснований терроризма только в пределах неглубокой, фрагментарной аналитики. Но этот фактор активно муссируется.

Ислам косвенно признается одним из факторов терроризма на основании того, что динамично развивающиеся страны арабского Востока, страны, требующие своего участия в мировой политике, которым пока что не удается играть желаемую ими роль, – эти страны, явно и скрыто причисляемые к спонсорам терроризма, являются в большинстве мусульманскими. Ислам – их идеология, и коль скоро они – спонсоры терроризма, то повинна в этом их идеология, т.е. ислам. Такова нехитрая логика, приводящая к обвинению ислама в пособничестве терроризму.

Свою лепту в осложнение ситуации вносит и неразграничение терроризма от национально-освободительных движений, на чем настаивают, как правило, все те же мусульманские страны. В результате ислам, если и не обвиняется, то подозревается в поддержке террористических организаций.

Следует однозначно и со всей определенностью заявить: ислам как религия к террору отношения не имеет. Это ясно всякому, кто хотя бы мало-мальски знаком с исламом. Эту проблему необходимо глубоко и объективно исследовать, а не спекулировать на ее неопределенности. Ислам, как и христианство, можно использовать в политически провокационных целях, но такое использование – на совести провокаторов.

Известный исследователь проблем взаимодействия Запада и Востока С. Хантингтон, одним из первых обративший внимание на нарастающее противостояние христианской и мусульманской цивилизаций, анализируя роль ислама в современном терроризме, пишет: «Во-первых, одним из наиболее важных социальных, культурных и политических достижений последних десятилетий является возрождение исламского сознания исламских движений и самоидентификации среди мусульманских народов практически по всему миру. Это исламское возрождение в основном является ответом на модернизацию и глобализацию, и в большинстве случаев этот ответ весьма конструктивен. Во-вторых, во всем мусульманском мире, особенно среди арабов, существуют ярко выраженные чувства обиды, негодования, зависти и враждебности по отношению к Западу, его богатствам, власти и культуре. Это – отчасти результат политики западного империализма и его господства в мусульманском мире на протяжении большей части XX столетия... Это, в более широком смысле, реакция мусульманских народов на коррупцию внутри их государств, неэффективную работу правительств, их репрессивные действия и на западные правительства, которые, как им кажется, поддерживают эти режимы.

В-третьих, насилие между мусульманами в мусульманском мире провоцируют племенные, религиозные, этнические, политические культурные различия.

В-четвертых, исламское возрождение совпало и было ускорено высоким уровнем рождаемости в большинстве мусульманских общин»⁷.

Ответом на вызовы западной цивилизации объясняют нарастание исламского фундаментализма очень многие культурологи, политики и религиозные деятели. Так, председатель Исламского центра Киргизии С. Камулиддин осуждает теракты в США, приведшие к гибели невинных людей, однако, по его мнению, действие террористов были спровоцированы антиисламской политикой США. «Произошла катастрофа мирового масштаба. Погибли не просто невинные люди. Мир лишился мозгов, которые стоят миллиарды долларов. Ведь в зданиях, по которым нанесли удары террористы, находилась элита американского общества. Сегодня Вашингтон винит в трагедии мусульман. Но если ты не здороваешься с человеком, не стоит думать, что он ответит тебе приветствием. США замучили мусульманский мир. Эта страна несет беды мусульманам в разных точках земного шара: в Ираке, Палестине, Афганистане»⁸, – заявил «Независимой газете» муфтий Джалалабадской области (Южная Киргизия) Дильмурат ажы Орозов.

Схожую точку зрения высказывает и российский исследователь Е. Ихлов: «Возникновение исламского тоталитарного радикализма (некоей формы анархобольшевизма) – это реакция на вестернизацию мусульманского мира. Каждый глобальный социокультурный регион, каждая нация по-своему реагирует на цивилизационные кризисы, на вызов модернизации. Россия ответила сперва появлением протофашистского черносотенного движения, а затем – срывом в большевизм. Западная Европа – безумием национализма 1914 г., Германия – нацизмом, Италия и Испания – фашизмом, Китай – маоизмом. Латинская Америка – бурлящей революционностью 60–70-х. Когда той же критической стадии модернизации достиг Иран – началась революция Хомейни. Исламский радикализм – это, прежде всего, идеология среднего класса торговцев и молодых интеллектуалов. Это невротическая реакция не на бедность, а на растерянность, духовную "расколотость", неуверенность перед лицом западной либеральной идеи».

Глобализация как господствующая тенденция в мировой цивилизации есть, по сути, западный вариант модернизации, который не в состоянии в одинаковой степени интегрировать все страны мира, принося с собой всем плоды процветания от цивилизации. Более того, некоторые страны сознательно отходят от перспектив западного

варианта развития, нежелательных культурных перемен, стремясь сохранить свою специфику.

Глобализация, таким образом, создает значительный социальный слой отчуждения, который ищет адекватные для себя формы самовыражения и артикуляции проблем. Это, как видим, приводит к крайним насильственным методам, приводит на путь террора и смыкания с международной организованной преступностью.

Следует, по всей видимости, признать, что у отдельных стран и регионов мира могут быть свои интересы, свое понимание цели развития, свои средства решения проблем. Причем в иных странах и регионах эти цели и средства могут заметно отличаться. Западу не следует стремиться во что бы то ни стало навязывать свой цивилизационный опыт, свой стиль жизни. Следует признать, что мир многообразен. Надо ввести принципы демократии на уровне межгосударственных отношений, взаимодействий региональных союзов и объединений, в мировую политику вообще. Тогда мусульманским странам не придется извиняться за наличие собственных интересов. Эти страны не за терроризм, они – за право выбора собственного пути развития, отличающегося от западного образа жизни. Важнейшей чертой глобализации является ее тесные взаимоотношения с религией, это реальность, которая требует поиска новых объяснений религиозных концепций, соответствующих социально-экономическим, культурным и политическим реалиям современного мира. Поэтому при оценке терроризма в любой его форме следует исходить из реалий социально-экономического положения той или иной страны или региона.

¹ *Сейед Амир Акрами*. Глобализация и межкультурный диалог. Алматы, 2002. С. 8.

² *Мохсен Халиджи*. Глобализация и религия. Алматы, 2002. С. 15.

³ *Аюпов Н.Г.* Глобализация и многообразие религиозных идей. Алматы, 2002. С. 28.

⁴ Цит. по: *Лекарев С.* Разведка мирового сообщества // Независимое военное обозрение. 2001. № 37. С. 7.

⁵ *Рихтер Э.* Почему пропаганда открытого общества должна стать частью антитеррористической политики в средней Азии? Нью-Йорк, 2001.

⁶ Там же.

⁷ *Хантингтон С.* Век мусульманских войн // Newsweek. 2002, янв.

⁸ *Независимая газета*. 2001. 9 окт.